

Экономическая история и история экономической мысли

Первый российский внешний заем и участники его реализации

П. В. Лизунов¹, В. В. Морозан²

¹ *Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)*

² *Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Статья посвящена первому российскому займу, совершенному на международном денежном рынке. Вступив в 1768 г. в очередную войну с Турцией, Россия оказалась экономически слабо подготовлена к этому конфликту. Ограниченные финансовые возможности вынуждали царские власти искать источники обеспечения этой кампании. В связи с этим правительством были предприняты различные шаги по стабилизации финансового положения страны, реализован переход к бумажному денежному обращению с эмиссией значительного объема ассигнационных рублей. Для обеспечения военных расходов, связанных с содержанием русского флота в Средиземном море, и укрепления курса русского рубля правительством был реализован в 1769–1773 гг. на денежном рынке Голландии первый отечественный заем в размере 7500 тыс. гульденов. В размещении этого займа принимали участие два банкирских дома: со стороны российского правительства Иван Юрьевич Фредерикс, с голландской — братья Раймонд и Теодор де Сметы. Именно им принадлежит заслуга в успехе данной операции.

Ключевые слова: государственный заем, банковское дело, деньги и кредит.
JEL: N33.

Испытывая хронический недостаток в деньгах, власти Российской империи стали присматриваться к европейским денежным рынкам еще в начале XVIII в. Однако первая попытка договориться о внешнем займе была предпринята лишь в правление императрицы Елизаветы Петровны. Во время Семилетней войны русское правительство по-

Лизунов Павел Владимирович (pavelv1@mail.ru), д. и. н., проф. кафедры истории, философии и права САФУ; *Морозан Владимир Васильевич* (v_moga@mail.ru), д. и. н., проф. кафедры истории народов стран СНГ СПбГУ.

пыталось занять 2 млн руб. в Голландии, но желающих предоставить России деньги в то время не нашлось. Экономическое положение России не внушало иностранным банкирам доверие¹.

Первый внешний заем был заключен только в царствование Екатерины II. После неудачной попытки занять деньги в Дании, российское правительство в поисках дополнительных средств, необходимых для содержания русской армии и средиземноморского флота во время русско-турецкой войны, начавшейся в 1768 г., решило обратиться на голландский рынок капиталов. В результате переговоров с амстердамским банкирским домом «Раймонд и Теодор де Смет» (Raymond & Theodoor de Smeth) была достигнута предварительная договоренность. В присланном письме банкиры де Сметы изъявляли готовность предоставить заимообразно деньги при посредничестве петербургского торгового дома «Велтден, Бакстер и Фридрикс». Екатерина II нашла «предложение полезным при нынешних обстоятельствах», а условия займа «сходственными», более того, императрица признавала «оное за благо»².

Обсудить вопрос о займе 2 млн руб. предложил генерал-прокурор князь А. А. Вяземский на заседании Государственного совета 5 марта 1769 г. Рассматривался он также на заседании 12 марта, на котором было объявлено словесное повеление Екатерины II возложить на вице-президента Военной коллегии графа З. Г. Чернышова, вице-канцлера князя А. М. Голицына и генерал-прокурора князя А. А. Вяземского подготовку условий «для негоциации о займе денег». На заседании Государственного совета 26 марта Чернышов представил заготовленный для подписания ее величеством указ о внешнем займе в Сенат и «определенным особам»³.

Указ Екатерины II о российском внешнем займе у амстердамских банкиров де Смет, положивший начало внешнему государственному долгу России, был опубликован 2 апреля 1769 г. В течение долгого времени он служил основанием при заключении последующих российских внешних займов. Удивительно, но указ о первом займе не был включен в Полное собрание законов Российской империи. Можно лишь строить предположения, почему так случилось. Ранее указ был напечатан полностью только один раз Платоном Андреевичем Шторхом в статье «О государственном долге», опубликованной в газете «Гражданин» от 16 июля 1873 г. (Шторх, 1873). Шторх был сыном известного экономиста, первого вице-президента и действительного члена Императорской Академии наук по политической экономии и статистике

¹ Рассказ императрицы Екатерины II-й о первых пяти годах ее царствования // Русский архив. 1865. Кн. 4. С. 470; Записка имп. Екатерины II об учреждениях, введенных в России в ее управление. После 21 мая 1779 г. // Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 27. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1880. С. 170.

² Указ нашим генерал-аншефу графу Чернышову, вице-канцлеру князю Голицыну, и генерал-прокурору князю Вяземскому // РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 376. Л. 1; РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 99. Л. 3–3 об.

³ Архив Государственного совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1798). Ч. 2. Отделение юридическое. СПб., 1869. Стлб. 406–407. О предложении генерал-прокурора князя Вяземского о займе 2 млн руб. Протоколы Государственного совета за 1768–1770 гг. // РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–63 об., 74–74 об.

Андрея Карловича Шторха (1766–1835). П. А. Шторх поступил на службу в 1831 г., был чиновником Министерства финансов, дослужился до чина действительного статского советника (1859), до 1864 г. занимал должность старшего директора Государственной комиссии погашения долгов, а также был автором ряда историко-экономических исследований.

В публикации Шторха указ был воспроизведен не совсем точно, встречаются ряд пропущенных или добавленных слов, их перестановка, которые хотя и не искажают смысл указа, но все-таки являются некоторой его интерпретацией. Например, в опубликованном Шторхом тексте указа цитируется: «Обещаем паки, наконец, что первый и готовый доход наших государственных пошлин к платежу процентов и капитала, сколько потребно будет, от нас назначен для отдачи банкирам, чрез нашего банкира Фридрихса», но следующее далее уточнение «или его нынешней компанией, под фирму Велтден Бакстера и Фридрикса» пропущено.

Указ Екатерины II о займе у банкиров де Смет

Екатерина II подписала 2 апреля 1769 г. подготовленный указ, в котором были изложены причины заключения внешнего займа: «Рассматривая наши настоящие и впредь могущие быть государственные доходы и соображая оные с нынешними военными издержками, хотя и находили их достаточными к исправлению оных: но как государственная обширность делает затруднение в скором их свозе, таже и что бы с вящею силою противу неприятеля можно было действовать. Равномерно же предостерегая как вывоз за границу серебряной монеты, так и курс от крайнего унижения, главнейше же чтобы иметь собственные свои источники доходов запасными на непредвиденные случаи, за благо рассудили о займе некоторой суммы денег постановить с иностранными банкирами негоцию, всемилостивейше определяя к тому чрез сие наших генерала аншефа и Государственной военной коллегии вице-президента графа Чернышова: действительного тайного советника и вице-канцлера князя Голицына, и генерала прокурора князя Вяземского: дая им полную мочь и силу именем нашим и престола нашего преемников, сколько потребно будет денег, набрать вне государства и для того адресоваться к одному или более банкирам в Голландии, и чрез оных потребныя суммы негоцировать на следующих кондициях»⁴.

Далее в указе были перечислены десять кондиций (условий) займа.

«1. Мы даем за себя и за наших преемников престола, в надежный залог за капитал и проценты сей денежной негоциации и для совершенного спокойствия участников в оной, чрез сильнейшее удостоверение из всех наших доходов на толикую сумму, сколько занято будет, а особливо эст и лифляндские, и пошлины за привозные и отвозные товары городов Риги, Пернова, Ревеля и Нарвы: и для того к платежу процентов и капитала мы сии доходы, когда и сколько в положенные сроки потребно

⁴ Указ о займе. 2 апрель 1769 г. // РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 376. Л. 2–2 об.

будет, учреждаем и определяем так, что нам и нашим преемникам, ныне и впредь в сем отнюдь ничего не переменять, и из помянутых пошлинных доходов потребные проценты платить непременно.

2. Обещаем и утверждаем императорским нашим словом, что в случае неожиданного разрыва дружбы с Генеральными штатами [высший законодательный орган Республики Соединенных провинций], облигации сей неготиации ни аресту, ни конфискации от нас не подвержены.

3. Также освобождаются сии облигации от всякого аресту и конфискации, хотя хозяева подданные в войне с нами находящихся держав будут.

4. Облигации сей неготиации даваны быть должны каждая пять сот тысяч гульденов голландского куранта [название денег, находящихся в обращении], которые у банкиров в Амстердаме останутся до подлинного выкупа и заплаты.

5. Для способнейшего производства сей неготиации могут банкиры и мы их уполномочиваем на написанную в облигациях наших сумму пять сот тысяч гульденов, давать от себя мелкие ассигнации, каждую в тысячу гульденов, с припискою процентных купонов, и оныя неготиовать как за благо рассудят, но только бы каждая из них была явлена и засвидетельствована у нашего, пребывающего в Гааге, министра, при присяжном нотариусе, и не превосходила бы числа написанного в нашей облигации.

6. Проценты с облигаций наших платить исправно по пяти на год, по прошествии каждого года, считая от дня написанного во облигации когда она состоялась, из тех же банкирских контор, без учинения содержателям малейших убытков: для чего к облигациям процентные купоны, или квитанции приобщить.

7. Сию неготиацию для окончательного платежа заключить на десять лет, оставляя в соизволении нашем начинать выплачивать и по прошествии пяти лет, такими суммами, как нам заблагорассудится.

8. Мы всегда за три месяца будем давать знать о сей уплате чрез тех же банкиров и когда нам за благо рассудится некоторую часть уплатить, то чрез них же будет лотирование [тираж] облигаций, в присутствии нотариуса со свидетелями.

9. Банкиры будут особо награждены, дабы участники от всех убытков как при приеме облигаций, получении годовых процентов и при возвращении капитала, освобождены были и никакого отягощения не имели.

10. Обещаем паки, наконец, что первый и готовый доход наших государственных пошлин к платежу процентов и капитала, сколько потребно будет, от нас назначен для отдачи банкирам, чрез нашего банкира Фридрихса, или его нынешней компанией, под фирмою Велтден Бакстера и Фридрикса, без всякой перемены, не взирая ни на какая обстоятельства: и для того уполномочиваем наших генерала аншефа графа Чернышова: вице-канцлера князя Голицына, и генерала прокурора князя Вяземского к принятию по сей неготиации заем денег, ко обращению по особым нашим повелениям оных и к платежу процентов и капитала из государственных доходов, чрез показаннаго банкира Фридрикса и его компанию».

Указ о займе от 2 апреля 1769 г. сохранился в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Кабинета Екатерины II (Ф. 10. Оп. 3. Д. 99) и в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Экспедиции о государственных доходах Сената (Ф. 557. Оп. 2. Д. 376).

Одновременно с указом о первом внешнем займе отдельным рескриптом, данным на имя Чернышова, Голицына и Вяземского, они назначались в Комитет уполномоченных для производства внешних денежных неготиаций в иностранных землях. Им доверялись выдача облигаций, а также их подписание. В их обязанности входили переписка с банкирами, изучение предложений о займах, представление их на высочайшее рассмотрение, общее наблюдение и контроль за испол-

нением дел по внешним займам. Исполнение постановлений Комитета уполномоченных было возложено на генерал-прокурора Вяземского, заведовавшего также финансовой частью. Полученные по облигационному займу 7,5 млн руб., согласно указу, могли использоваться исключительно по особым высочайшим указам⁵.

В том же рескрипте сообщалось, что владельцы амстердамского банкирского дома «Раймонд и Теодор де Смет» в присланном письме изъявляют «свою готовность к даче... заимообразно нескольких миллионов». Находя их предложение выгодным, Екатерина II поручила Комитету уполномоченных произвести заем на 7,5 млн гульденов (около 3,7 млн руб.) и приступить к его осуществлению немедленно, «дабы тем скорее диспонировать капиталами»⁶.

В течение 1769–1770 гг. поступило еще несколько предложений о предоставлении России займов. Готовность дать деньги займы высказали банкир Баргум из Гааги, маркиз Дураццо из Генуи и директор Датской Вест-Индской и Гвинейской компаний. Эти предложения обсуждались на заседании Государственного совета. Члены Совета решили передать рассмотрение предлагаемых условий займов уполномоченным Комитета для производства внешних денежных негодий и «чтоб они если найдут кондиции... сходными, исполнили... не упуская время». Вскоре из письма полномочного посла князя Д. М. Голицына из Гааги выяснилось, что Баргум «почитается ненадежным к даче в займы денег». Поэтому Совет решил «уничтожить начатую с ним о том негодияцию»⁷. Также по разным причинам отказались от переговоров с Дураццо и директором Гвинейской компании.

Банкирская контора «Раймонд и Теодор де Смет и К°»

О владельцах банкирского дома «Raymond & Theodoor de Smeth» Раймонде и Теодоре известно, что они были потомками знатного купеческого рода де Смет (Bijleveld, 1949. P. 158–159). Их предком был Йост Виллем де Смет (Joost Willemszde Smeth) из Брюсселя, где родился в 1554 г. Примерно в 1584–1586 г. он перебрался в Кельн, где умер в 1617 г. Его сын Йост де Смет (1587–1662) в 1653 г. уехал из Кельна и обосновался в Амстердаме. Дед Теодора и Раймонда де Сметов — Йост де Смет младший (10.10.1626–17.09.1704) — и их отец Питер де Смет (1665–1724) были амстердамскими купцами, торговали под фирмой «Egidiovanden Bempdenen Joost de Smeth» оптом итальянским и левантийским шелком, турецкой пряжей и разными колониальными товарами, а также занимались банкирскими делами. Й. де Смет младший входил в число 150 самых богатых купцов так называемого Золотого века Амстердама, обеспечив в дальнейшем успех

⁵ Указ нашим генерал-аншефу графу Чернышеву, вице-канцлеру князю Голицыну, и генерал-прокурору князю Вяземскому // РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 376. Л. 1–1 об.

⁶ Там же.

⁷ Архив Государственного совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1798). Ч. 2. Отделение юридическое. СПб., 1869. Стлб. 411–412.

в банковском деле своей семьи. Его сын П. де Смет с 1707 г. состоял директором Совета по управлению торговлей в Леванте, а с 1709 г. — суперинтендантом по торговле суконными тканями, будучи владельцем фирмы «Pieter de Smeth & Soonen», с 1735 г. — «Pieter de Smeth & Soonen & C°».

Теодор (1710—1772) и Раймонд (1706—1800) де Сметы также начинали с торговли, главным образом, итальянским и левантийским шелком и турецкой пряжей, при компании «Питер де Смет и Сын» (Pieter de Smeth en Soonen). В 1736 г. они основали торгово-банковскую фирму «Раймонд и Теодор де Смет и К°» (Raymond & Theodoor de Smeth & C°) (1740—1746), затем «Раймонд и Теодор де Смет и (Александр) Хартер» (Raymond & Theodoor de Smeth & Hurter), а потом «Raymond & Theodoor de Smeth» (1769—1782). Основной свой капитал братья де Сметы приобрели в годы войны за австрийское наследство (1740—1748), доведя его до 5 млн так называемых «банковских гульденов». В то время в Амстердаме фирм с таким крупным капиталом было около десяти. Традиционное банковское дело в те годы, основанное на семейном капитале, относилось к консервативному бизнесу. Банкиры избегали строить свои операции за счет депозитов, предпочитая выдавать вексельные кредиты, которые в основном были обеспечены товарами, чтобы в кратчайшие сроки реализовать залог при неплатежеспособности заемщика (Quinn, Roberds, 2014. P. 294—295). Амстердамский банк, активно поддерживая своими операциями успешный голландский рынок, стал главным акцептантом в северной Европе. Благодаря установленным им условиям денежных расчетов финансовые операции стали очень удобными, так как производство взаиморасчетов основывалось на строго фиксированном курсе валюты. Стабильность курса банковских гульденов позволила Амстердамскому банку стать прибежищем для капиталов огромной армии интересантов финансового мира Европы. Они могли репатриировать деньги с типичной для того времени доходностью от 2 до 4%, могли тратить банковские гульдены практически на любые мировые товары или инвестировать их в ценные бумаги таких предприятий, как голландская Ост-Индская компания, или в британские акции. Этой возможностью активно пользовались братья де Смет, умножая свои капиталы.

Великий кризис на амстердамской фондовой бирже в 1763 г. едва не разорил торговый дом Раймонда и Теодора де Смет. Только благодаря невероятным усилиям он смог устоять и сохранить свои капиталы и кредит (Nieuw, 1927. P. 1149—1150). Пользуясь нейтралитетом Голландии в Семилетней войне (1756—1763 гг.), Амстердамский банк активизировал свои кредитные операции за пределами национальных границ, вовлекая частных банкиров Европы в финансирование возраставших торговых операций. Не уклонялись финансовые круги континента и от удовлетворения денежных нужд европейских правительств, обеспечивая воюющие страны доступными займами. В этот процесс были вовлечены и крупнейшие голландские банкирские дома, в частности братья де Смет, Чарльз и Теофил Казенове, а также амстердамский банк «Gebroedersde Neufville». Увлечшись возможностью получить значительную прибыль по таким финансовым операциям,

многие банкирские дома потеряли бдительность, выдавая многочисленные кредиты без должного обеспечения. Финал этой коммерческой лихорадки наступил в августе 1763 г. и оказался печальным для многих игроков рынка. Хотя крах банка «Gebroedersde Neufville» оказал отрезвляющее воздействие на финансовый рынок Амстердама, остановив выдачу неоправданных кредитов, удержать денежный рынок от последующей катастрофы он не мог. Вскоре кризис распространился на Гамбург, Берлин, страны балтийского бассейна и другие районы. Крах банка де Нойфвилль вынудил братьев де Смет перейти к консервативным методам кредитования, сосредоточив основное свое внимание на возврате выданных ранее в заем денег. В частности, только банк Нойфвилль должен был де Сметам более 318 тыс. банковских гульденов (Quinn, Roberds, 2015. P. 1168).

Благодаря своевременной смене кредитной политики братьям де Смет не только удалось выстоять в условиях Великого кризиса, но и захватить значительную долю финансового рынка северной Европы. Под руководством Раймонда и Теодора компания превратилась в одну из самых влиятельных фирм Европы второй половины XVIII в. В 1766 г. де Сметы заключили 4%-ный заем на сумму свыше 1050 тыс. гульденов для герцога Фридриха Мекленбург-Шверинского (Бааш, 1949. С. 192). Кроме России, они оказывали аналогичные услуги правительствам Польши, Швеции, позднее — Соединенных Штатов. Немецкий историк Б. Г. Нибур (1776—1831), имевший дела с банком де Сметов, писал о Теодоре де Смете, что это был «очень опытный амстердамский банкир, обходительный и внимательный до смущения незнакомца, учтивый в старых французских придворных традициях» (Niebuhr, 1842. P. 64; Elias, 1963. P. 797—798).

О дальнейшей истории банка известно немного. Раймон не оставил потомства, а сыновья Теодора Питер и Дирк еще какое-то время работали в фирме, которая, вероятно, прекратила заниматься банкирским делом. Обладая обширным недвижимым имуществом, представители дома де Смет в дальнейшем сосредоточились на его эксплуатации. Архив банкирского дома, к сожалению, не сохранился, чем объясняется отсутствие каких-либо публикаций о нем как в российской, так и в зарубежной историографии.

Комитет уполномоченных 8 апреля 1769 г. постановил немедленно отправить банкирам де Смет четыре облигации по 500 тыс. гульденов каждую, чтобы в мае получить 10 тыс. червонцев, а остальные суммы трассировать в Петербург для поднятия курса. В июне того же года было решено выслать в Амстердам четыре облигации и получить за них 300 тыс. червонцев, а в июле — еще две облигации, чтобы получить 177 тыс. червонцев и векселя. Комитет полагал таким образом получить 5 млн гульденов, а 2,5 млн гульденов останутся в резерве. В середине мая поступил первый платеж, а с 18 мая банкиру Фредериксу стали поступать высочайшие указы и ордера на расходование денег⁸.

⁸ Расход с приобщенными притом копиями с высочайших ее императорского величества и именных указов и ордеров к банкиру Фредериксу // РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 376. Л. 10—10 об.

Однако обещанный заем в 7,5 млн гульденов сразу в полном объеме де Сметам собрать не удалось. В 1769 г. от них поступило только 4 млн гульденов. В мае де Сметы получили 7 облигаций по 500 тыс. гульденов каждая. Взамен этих бумаг амстердамские банкиры в течение мая и июня отправили в российскую столицу шесть партий червонных на 302 000, 540 000, 590 000, 634 000, 634 000 и 644 000 руб. В 1770 г. русское правительство получило 1 млн гульденов, в 1771 г. — еще 500 тыс. гульденов и только в 1772 г. — остальные 2 млн гульденов. За оказанные «отличные при нынешних военных обстоятельствах заслуги» Екатерина II высочайшим указом 15 марта 1772 г. возвела амстердамских банкиров Теодора и Раймонда де Смет с нисходящим их потомством в баронское достоинство Российской империи⁹.

Во время предварительных переговоров и в переписке о первом российском займе, которые вел Фредерикс, он сумел «выторговать» у голландских банкиров уступку за комиссию 3% — с 10 до 7%. За свои труды и услуги своей конторы, а также за многочисленные денежные издержки как в Голландии, так и в Петербурге Фредерикс просил выдать ему эти 3% в качестве компенсации. При этом Фредерикс обещал, что «во все 10 лет теми тремя процентами все расходы какие бы по сей негодии ни были, как-то при переводах остальной суммы, так при платеже ежегодных процентов и выплат капиталов исправлять от своей конторы, так чтобы казны никакого более дела ни в наших издержках не было». Просьбу Фредерикса поддержали Чернышов, Голицын и Вяземский. Екатерина II на докладе уполномоченных 17 декабря 1769 г. собственноручно написала «Быть по сему»¹⁰.

Придворный банкир И. Ю. Фредерикс

Посредником при заключении и производстве первого внешне-го российского займа был придворный банкир Екатерины II Иван Юрьевич (Иоганн, Ганс Иорген) Фредерикс (Фридерикс, Фридрикс, Фридрихс), совладелец крупного торгового дома «Велдтен, Бакстер и Фредерикс» (Weldten, Baxter & Freedericksz). Фредерикс лишь незадолго до заключения этого займа сменил в должности банкира двора ее величества английского купца У. Гомма.

Родился Фредерикс 12 апреля 1723 г. в Архангельске. По одной версии его отцом был голландский купец Юрген Фредерикс, живший с 1731 г. в Архангельске и женившийся на русской женщине. По другой версии его отцом был шведский офицер или солдат, взятый в плен во время Северной войны и отправленный в Архангельск, где женился на русской. Согласно третьей версии, он был англичанином. По мнению немецкого историка Э. Амбургера,

⁹ Копии с жалованных грамот, данных амстердамским банкирам Раймонду и Теодору де Смет, на пожалование баронским достоинством // РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Кн. 1. Л. 324–327; Л. 376–378 об.; Ф. 286. Оп. 2. Кн. 19. Л. 267.

¹⁰ Всеподданнейший доклад // РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 376. Л. 31.

отцом Фредерикса был нарвский мещанин¹¹, а затем архангельский иноземец Юрий Федорович Фредерикс (Иорген, Юрген, Jürgen), мать — Анна Ивановна¹².

В январе 1735 г. отец Фредерикса умер, оставив 12-летнего сына сиротой. В 1740 г. Фредерикс отправился в Петербург, где служил в торговой конторе «Шифнер и Вольф», затем у английского купца барона Я. Вольфа. В августе 1755 г. Фредерикс «под именем русского подданного» вступил в товарищество с английскими купцами А. Велдтенем и А. Бакстером.

Секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II Г. фон Гельбиг, автор сочинения «Русские избранники», сообщал, что «Фредерикс, простой купеческий парень из Архангельска» своим возвышением и огромным капиталом был обязан протекции братьев Орловых, которых знал еще до их фавора (Гельбиг, 1887. С. 541). Отношения Фредерикса с российским двором начались еще при Петре III, который в январе 1762 г. заплатил за купленный у купца бриллиантовый букет 5000 руб. (200-летие, 1911. С. 347–348). В последующие годы через Фредерикса переводились деньги за границу для приобретения товаров для нужд двора. Так, в 1773 г. при его посредничестве закупались вещи к первой свадьбе цесаревича Павла Петровича и Натальи Алексеевны¹³.

Наибольшее обогащение Фредериксу принесла русско-турецкая кампания 1768–1774 гг. Во время войны Фредерикс устроил великолепный праздник в честь Г. Г. Орлова, на котором присутствовали вельможи и дипломатический корпус. По этому случаю над дверьми в роскошно убранной зале была сделана надпись: «Война насыщает, мир пожирает» (Гельбиг, 1887, С. 541; 1900. С. 400).

Во многом благодаря покровительству Орловых Фредерикс стал гоф-банкиром, как именовала его Екатерина II¹⁴. Императрица 5 августа 1773 г. возвела Фредерикса в баронское достоинство¹⁵ «за прилагаемое им старание к лучшему распространению торговли и оказанные многие заслуги» (Долгоруков, 1855. С. 281).

Позднее Фредерикс финансировал другого фаворита Екатерины II — светлейшего князя Г. А. Потемкина. Через придворного банкира императрица переводила ему значительные суммы¹⁶. При содействии Фредерикса Екатерина II выписывала разные товары из европей-

¹¹ База данных Э. Амбургера «Иностранцы в дореволюционной России» (Erik-Amburger-DatenbankAuslanderimvorrevolutionarenRussland). <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=90685>

¹² Доношение иноземца Юрия Федоровича [Фридрикса] в Архангелогородский губернский магистрат об оскорблении его жены Анны Ивановны // РГБ РО. Ф. 218. Т. XI. Картон № 975. Д. 40. С. 22. Л. 1–2 об.

¹³ Письма императрицы Екатерины Второй к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 1. С. 17.

¹⁴ Записка им. Екатерины II графу И. А. Остерману, без числа. О купце Шмите // СИРИО. Т. 15. СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1875. С. 610.

¹⁵ Указ о пожаловании баронского достоинства придворному банкиру Фридриксу // РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Кн. 2. Л. 26–29 об.; Ф. 286. Оп. 2. Кн. 22. Л. 123, 124а.

¹⁶ Собственноручное письмо Имп. Екатерины II кн. Г. А. Потемкину о пожаловании ему через банкира, бар. Ив. Юрьев. Фридрикса, 150 000 рублей по случаю дня его рождения и ангела. (30 сентября 1777 г.) // СИРИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 137.

ских каталогов, отмечая понравившиеся карандашом¹⁷. За счет казны Фредерикс отправлял за границу на продажу российские товары.

Французский историк Ф. Бродель (1902–1985) в книге «Игры обмена» описывает механизм действий амстердамских банкиров по размещению внешних займов в XVIII в. Помимо банковских контор, занимавшихся делами в целом, участие принимали различные агенты и субагенты, распространявшие ценные бумаги среди публики, получая за это соответствующие комиссионные. «Когда заем бывал „закрыт“, — писал Бродель, — бумаги поступали на биржу. Тогда начиналась обычная игра: дожидаться повышения и ликвидировать по цене выше номинала ценные бумаги, которые получали зачастую на особых и выгодных условиях, а затем заняться аналогичной операцией, но так, чтобы не быть более „временным частью последнего займа“» (Бродель, 1988. С. 542).

Через два года после сделки с банкирами де Смет царское правительство заключило в 1771–1772 гг. в Генуе новый заем на 1 млн пиастров (1,17 млн руб.). Заем был произведен через российского поверенного в делах в Венеции у банкира П. Х. Мавруцио (Мавруций, Маруцци). Полученные по этой кредитной операции деньги предполагалось реализовать на нужды средиземноморской экспедиции (Бржевский, 1884. С. 132). Он реализовывался еще медленнее, чем первый заем, а деньги по нему не удалось получить в полной мере и после 1773 г. (Ананьич, Лебедев, 1991. С. 126).

При посредничестве Фредерикса с 1769 по 1774 г. за границей империи были размещены 20 облигаций по 500 тыс. каждая на общую сумму 10 млн гульденов. За время пребывания Фредерикса в должности банкира императорского двора им было переведено за рубеж 14 478 790 руб. (Лодыженский, 1886. С. 128).

После окончания русско-турецкой войны в результате подписания 10 июля 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора Османская империя обязалась выплатить России 7,5 млн пиастров (4,5 млн руб.). Из-за истощения казны Турция выплачивала контрибуцию по частям. Деньги доставлялись в русское посольство в Константинополе мешками, количество которых составляло 9820¹⁸. Часть денег Екатерина II направила на погашение займа, взятого во время войны у банкиров де Смет в Амстердаме.

Специальным рескриптом императрица поручила перевод денег из Константинополя в Амстердам своему придворному банкиру Фредериксу по разработанному им плану. Для этого ему было доверено подобрать в Константинополе надежных банкиров. В своем рескрипте Екатерина II особо обращала внимание на необходимость блюсти интересы казны и секретность операции: «Но как для содействия в вексельном курсе полезно перевозить червонные на-

¹⁷ К Сергею Михайловичу Козьмину // СИРИО. Т. 42. СПб: Тип. имп. Акад. наук, 1885. С. 345.

¹⁸ Всеподданнейшее донесение А. Стахиева. 22 июля 1779 г.; Письмо А. Стахиева — графу Н. Панину. 28 сентября 1779 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, режиссии и донесения. Т. 3. 1779–1789 гг. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1887. С. 300, 368.

турую, то повелели мы препоручить константинопольским банкирам выгодною ценою покупать и выменивать червонные, со всевозможною осторожностью и скрытным образом от публики»¹⁹. Было решено отказать от посредничества английского банкира в Константинополе Абота (Аббота), на которого изначально возложили перевод денег в Амстердам. В рескрипте оговаривалась необходимость под благовидным предлогом изъять у Абота ранее переданные ему деньги и постараться лишить его возможности нанести этой денежной операции какие-либо затруднения.

Фредерикс для продолжения перевода денег из Константинополя в Амстердам выбрал банкиров Гибша и Тимони (Hübisch & Timoni). Им через Фредерикса выдавали необходимые суммы на вексельные переводы и на вымен червонных. Согласно утвержденному императрицей и правительством плану Фредерикса, издержки за банкирские комиссии по переводам в Амстердам денег не должны были превышать 3–5%²⁰.

Поскольку сумма для перевода в Амстердам была значительной, особенно для такой страны, как Турция того времени, возник ряд трудностей. Во-первых, из-за размеров перевода неминуемо должно было произойти повышение вексельного курса. Во-вторых, нельзя было точно определить сроки перевода, потому они зависели от большего или меньшего наплыва векселей в европейские города. Общая цифра всех вексельных сделок, совершенных в Турции годом ранее, не достигала и половины суммы, предназначенной для перевода в Амстердам. Банкиры Гибш и Тимони при любой возможности скупали через своих корреспондентов все, какие только могли найти в Турции, векселя на европейские города²¹.

Поисками нужных векселей занимался и российский посланник в Константинополе А. С. Стахивев. В письме графу Н. И. Панину он сообщал: «...нашел сегодня надежный вексель на 4450 гульденов голландских, оные посылаю в Амстердам к тамошним баронам де Смет на счет барона Фридрикса»²².

В марте 1776 г. константинопольские корреспонденты уведомили Фредерикса о скором окончании перевода денег. Тот известил об этом генерал-прокурора Вяземского, а последний — Государственный совет²³.

Из поступающих от Турции в счет контрибуции денег был полностью погашен заем, взятый в 1770 г. у генуэзского банкира маркиза Мавруцио. В 1779 г. Фредерикс предложил конвертировать оставшую-

¹⁹ Рескрипт императрицы посланнику А. С. Стахивеву в Константинополь // СИРИО. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. Т. 145. С. 136–137; Письмо кн. А. А. Вяземского кн. Н. В. Репнину, 12 июля 1775 г. и копия рескрипта императрицы Екатерины II кн. Н. В. Репнину, 11 июля 1775 г. // СИРИО. Т. 6. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1871. С. 311–312.

²⁰ Копия письма кн. А. А. Вяземского кн. Н. В. Репнину, 10 августа 1775 г. // СИРИО. Т. 6. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1871. С. 341.

²¹ Рассуждения гг. Гибша и Тимония прилож. к письму кн. Н. В. Репнина ген.-прок. кн. А. А. Вяземскому, от 25 октября 1775 г., из Перы // СИРИО. 1875. Т. 15. С. 478–479.

²² Письмо А. Стахивева — графу Н. Панину // Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 3: 1779–1789 гг. СПб., 1887. С. 368.

²³ Архив Государственного совета. Т. 1: Советы в царствование императрицы Екатерины II. Ч. 1. Отделение историческое. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1869. Стлб. 330.

ся часть голландского долга (8 млн гульд.) из 5%-ого в 4%-ный заем и отсрочить его на 10 лет. Комитет уполномоченных нашел конверсию выгодной и поддержал ее (Гурьев, 1903. С. 4).

За свои операции с казной Фредерикс получал весомые комиссионные доходы: «На негоции (коммерческие операции, сделки) — 3 процента; на высылку — 2½ процента; на диспозицию денег, происходящих из продажи казенных консигнаций (условия продажи, окончательный расчет) — 1½ процента, на кредиты — 2 процента, на варшавский кредитив — по 1 проценту... На поставленное золото и серебро не брал от казны комиссии, но имел контракт с правительством на снабженные векселя Иностранной коллегии в чужих векселях по ½ процента»²⁴.

В дальнейшем правительство России не упускало возможность покрыть свои финансовые нужды зарубежными займами. В частности, при непосредственном участии придворного банкира Р. Сутерланда через банкирские фирмы «Гоппе и К^о», К. И. М. де Вольфа и «Эме Реньи отца, сына и К^о» казна в 1788, 1789, 1790 и 1791 гг. заключила несколько внешних займов в Амстердаме, Антверпене и Генуе на 45 887 867 гульденов (у Гоппе — 39 300 000, у де Вольфа — 2 670 377, у Реньи — 3 917 490). В 1788 г. были заключены три займа в Амстердаме, в 1789 г. — еще три в Амстердаме, заем в Антверпене, в 1790 г. — два займа в Амстердаме, в 1791 г. — пять займов в Амстердаме, два в Генуе и в 1792 г. — два в Амстердаме и один в Генуе. Всего на 45 887 867 гульденов²⁵.

По мнению И. И. Кауфмана, первые внешние заимствования России еще очень мало походили на современные займы. Он полагал, что их правильнее было бы считать ссудами. Во французской практике XVIII — начала XIX в. их называли «авансами» (Кауфман, 1885. С. 191). Особенность первых российских займов заключалась в том, что их обеспечивали доходами с определенных территорий страны, в частности Прибалтики, а также винными откупами. Фактически деньги давались в ссуду под залог будущих доходов страны. Другой их особенностью было то, что в заключении государственных российских внешних займов, их организации и поиске посредников, начиная с первого займа и до середины XIX в., ключевыми участниками были придворные банкиры.

Указ Екатерины II от 2 апреля 1769 г. о займе у амстердамских банкиров де Сметов 7,5 млн гульденов положил начало внешнему государственному долгу России. Принятый «на потребу и в пользу Империи Российской»²⁶ в течение долгого времени он служил основанием при заключении новых российских внешних займов. К концу правления Екатерины II с учетом всех польских долгов, признанных Россией, общая сумма внешней задолженности составляла 88,3 млн гульденов²⁷.

²⁴ Записка Сутерланда от 1 октября 1780 г. // РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

²⁵ Записка о сделанных чрез Сутерланда займах // РГИА. Ф. 602. Оп. 1. Д. 219. Л. 23, 24–24 об.

²⁶ РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 376. Л. 4.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Соб. 1. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. XXV. Ст. 18 326. С. 34–35.

Список литературы / References

- 200-летие (1911). 200-летие Кабинета Его Императорского величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильберг. [200th anniversary (1911). *200th anniversary of the Cabinet of His Imperial Majesty. 1704–1904. Historical research.* St. Petersburg: T-vo R. Golikei A. Vilberg. (In Russian).]
- Ананьич Б. В., Лебедев К. С. (1991). Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб.: Наука. [Ananich B. V., Lebedev K. S. (1991). Office of court bankers in Russia and European money markets (1798–1811). In: *Problems of Socio-Economic History of Russia.* St. Petersburg: Nauka. (In Russian).]
- Бааш Э. (1949). История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М.: Изд-во иностр. лит. (20-я тип. Союзполиграфпрома). [Baasch E. (1949). *History of the economic development of Holland in the 16th–18th centuries.* Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoy Literatury (20-ya tip. Soyuzpoligrafproma). (In Russian).]
- Бржевский Н. (1884). Государственные долги России. СПб.: Типо-лит. А. М. Вольфа. [Brzhevsky N. (1884). *Russian government debts.* St. Petersburg: Tipo-lit. A. M. Volfa. (In Russian).]
- Бродель Ф. (1988). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс. [Braudel F. (1988). *Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries.* Vol. 2: Games of exchange. Moscow: Progress. (In Russian).]
- Гельбиг Г. (1887). Русские избранники и случайные люди в XVIII веке // Русская старина. Т. 53, № 3. [Gelbig G. (1887). Russian chosen ones and random people in the 18th century. *Russkaya Starina*, Т. 53, No. 3. (In Russian).]
- Гельбиг Г. (1900). Русские избранники. Берлин: Ф. Готтгейнер. [Gelbig G. (1900). *Russian chosen ones.* Berlin: F. Gottgeiner. (In Russian).]
- Гурьев А. Н. (1903). Очерк развития государственного долга России. СПб.: Типо-лит. Якорь. [Guryev A. N. (1903). *Essay on the development of Russian public debt.* St. Petersburg: Tipo-lit. Yakor. (In Russian).]
- [Долгоруков П. В.] (1855). Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 2. СПб.: Тип. Карла Вингебера. [(Dolgorukov P. V.). (1855). *Russian genealogical book published by Prince Peter Dolgorukov.* Part 2. St. Petersburg: Tip. Karla Vingebera. (In Russian).]
- Кауфман И. И. (1885). Государственные долги России // Вестник Европы. Т. 1. [Kaufman I. I. (1885). State debts of Russia. *Bulletin of Europe.* Vol. 1. (In Russian).]
- [Лодыженский К. Н.] (1886). История русского таможенного тарифа: Исследование Константина Лодыженского. СПб. [(Lodyzhensky K. N.). (1886). *History of the Russian customs tariff: Research by Konstantin Lodyzhensky.* St. Petersburg. (In Russian).]
- Шторх П. (1873). О государственном долге // Гражданин. № 29. [Storch P. (1873). About public debt. *Grazhdanin*, No. 29. (In Russian).]
- Elias J. E. (1963). *Devroedschap van Amsterdam 1578–1795.* В. II. Met een inleidend woord van den archivaris der stad Amsterdam Mr. W. R. Veder. Amsterdam: N. Israel.
- [Niebuhr B. G.] (1842). *Nachgelassene Schriften B.G. Niebuhr's nichtphilologischen Inhalts.* Gamburg.
- Nieuw Nederlandsch biografisch woordenboek. (1927). *Deel 7. Auteursrecht.*
- Bijleveld W. J. J. C. (1949). *Opmerkingen over de geslachten, behandeld in het Nederland's Adelsboekmet aanhangsel "Veertigjaren Nederland's Adelsboek".* s-Gravenhage.
- Quinn S., Roberds W. (2015). Responding to a shadow banking crisis: The lessons of 1763. *Journal of Money, Credit and Banking, Blackwell Publishing*, Vol. 47, No. 6, pp. 1149–1176. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12240>
- Quinn S., Roberds W. (2014). The Bank of Amsterdam through the lens of monetary competition. In: P. Bernholz, R. Vaubel (eds.). *Explaining monetary and financial innovation: A historical analysis.* Cham: Springer, pp. 283–300. https://doi.org/10.1007/978-3-319-06109-2_11

The first Russian external loan and the participants in its implementation

Pavel V. Lizunov¹, Vladimir V. Morozan^{2,*}

Authors affiliation: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia); ² St Petersburg University (St. Petersburg, Russia). * Corresponding author, email: v_moga@mail.ru

The article is devoted to the first Russian loan made on the international money market. Having entered into another war with Turkey in 1768, Russia turned out to be economically poorly prepared for this conflict. Limited financial resources forced the tsarist authorities to search for sources of support for this campaign. In this regard, the government took various steps to stabilize the country's financial situation, and implemented a plan for the transition to paper money circulation with the issue of significant volumes of banknote rubles. To ensure military expenses associated with the maintenance of the Russian fleet in the Mediterranean and strengthening the exchange rate of the Russian ruble, the government implemented in 1769–1773 the first domestic loan in the amount of 7,500 thousand guilders on the Dutch money market. The article discusses the process of producing the said loan and the participants in this monetary transaction. Two banking houses took part in its implementation. On the part of the Russian government, one of the first court bankers, Ivan Yuryevich Fredericks, spoke. On the Dutch money market, the brothers Raymond and Theodor de Smet were involved in the sale of Russian loans. They are credited with the success of this operation.

Keywords: government loan, banking, money and credit.

JEL: N33.